

Когда и почему закончится капитализм?

© Ф.Н. Блюхер, С.Л. Гурко

Институт философии РАН, Москва, 119842, Россия

Совместное рассмотрение генетически не связанных, но одновременных процессов роботизации и внедрения принципа гарантированного дохода позволяет увидеть в них симптоматику приближающегося формационного перехода. Представлены социалистическая и либеральная интерпретации обоих социальных явлений. Анализ сущностных черт капитализма приводит авторов к гипотезе о стадийном характере развития капитализма, связанного с концентрацией капитала и освоением им все новых и новых сфер социальной жизни общества. Внешним проявлением этого процесса оказывается неявная архаизация социальных отношений, представляющаяся закономерным элементом исторической динамики.

Ключевые слова: гарантированный доход, роботизация, кризис капитализма, архаизация

«Левая» идея о построении бесклассового общества, казалось бы, стала неактуальной в начале 1990-х годов. Именно об этом в те годы написал Ф. Фукуяма. Однако сначала теоретические работы М. Хардта и А. Негри [1], Т. Пикетти [2], а затем победы на выборах левых политиков в Бразилии, Эквадоре и Греции показали, что «левая» идея не только не умерла, но способна побеждать или, по крайней мере, реально оппонировать либеральному капитализму в отдельно взятых странах. Более того, в самом сердце современного финансового капитализма — Швейцарии — на референдум в 2014 г. была вынесена социалистическая идея гарантированного ежемесячного дохода всем гражданам государства. И хотя против нее высказались 77 % голосовавших, в 2017–2018 гг. в Финляндии проводится эксперимент по введению ежемесячного гарантированного дохода в 580 евро для неимущих. В передовых западных странах внедряются промышленные роботы и бурно развивается робототехника. Возникает вопрос: неужели те идеи, которые К. Маркс и Ф. Энгельс обосновывали в середине XIX в., наконец смогли реализоваться? Целью настоящей статьи является рассмотрение возможных вариантов социальных перемен, связанных с кризисом капиталистических отношений.

Если обратиться к эмпирическому материалу, то можно заметить, что роботизация производства и обсуждение введения ежегодного гарантированного дохода — невзаимосвязанные темы. Страны — лидеры роботизации (КНР, Япония, Южная Корея, США, Германия) и страны, в которых обсуждается введение ежегодного гарантированного дохода (Швейцария и Финляндия), — являются разными. Скорее всего, это два несвязанных процесса, случайно совпавших по времени друг с другом,

однако человеческое сознание их связывает. Более того, с момента возникновения промышленных роботов все ждали появления гарантированного дохода, и вот наконец эта тема стала обсуждаемой в передовых западных странах. Почему сознание так легко совершает переход от внедрения в производство промышленных роботов до введения гарантированного прожиточного минимума для граждан определенного государства? Потому, что в сознании людей это и есть идея коммунизма. Все необходимые для человека блага производят машины, а люди (все — трудящиеся, имеющие гражданство, необходимые для социума и т. п.; здесь каждый может отстаивать ту или иную формулировку того, что входит в категорию получателей благ) эти блага в каком-то виде бесплатно получают. Одни исследователи разделяли эту идею, другие — отвергали. Но для всех процесс роботизации производства был той данностью, которая либо подтверждала идею коммунизма, либо опровергала ее. Рассмотрим аргументы обеих сторон.

Взгляд социалиста. Как ясно уже из названия, суть социализма в изменении социальных, т. е. общественных отношений. Именно в отношениях между людьми, а не между человеком и богом, или между рабом и господином, или между суверенными личностями находится причина всех остальных изменений состояний человека (религиозных, политических, этических и даже эстетических). В своем марксистском изводе социализм признает решающей причиной наличного состояния человечества отношения между людьми в процессе производства ими материальных благ. При этом и производительные силы, к которым, помимо человеческого мастерства, относятся технические и технологические условия производства, и производственные отношения, к которым, кроме отношений собственности, относится естественное разделение труда в процессе производства сложного продукта, имеют собственную динамику развития, т. е. до определенного времени их изменения ни в какой мере не влияют друг на друга. Так, все достижения античной науки, в том числе и в технической сфере, не оказали влияния на поземельные отношения рабовладельческого строя, в то время как бурный рост применения технических новинок в XV–XVI вв. изменил не только феодализм, впервые создав возможность для абсолютной монархии, но по существу привел к появлению нового социального слоя, до того времени представленного в истории чрезвычайно незначительно. Однако в отдельные моменты истории соотношение развития производительных сил и производственных отношений должно прийти в соответствие друг другу и либо производственные отношения изменяются в соответствии с развитием производительных сил, либо «вновь развившиеся производительные силы» уничтожаются [3, с. 424].

Именно возникновение сложного технического фабричного производства и крупной промышленности, ориентированной на массовое производство, создало не только слой работающих на этом производстве людей (пролетариат), но и само современное общество. В соответствии

с футурологическим прогнозом XIX в. вновь возникший пролетариат должен будет отказаться от общественных отношений, основанных на частной собственности, и построить новое общество, называемое коммунизмом, каждый член которого будет вносить свой вклад в общественную копилку по возможности, а получать по потребности.

Будучи гегельянцами, марксисты считали, что совпадение субъекта и субстанции в историческом процессе происходит не через мировой разум, а с возникновением класса, готового взять на себя ответственность за разумность человеческой истории. Таким классом они считали западноевропейский пролетариат, рабочих крупных промышленных предприятий, производящих сложные механизмы и машины, потому что они:

- 1) организованы в рамках самого производства;
- 2) образованы в силу технической профессии;
- 3) составляют критическую массу, способную своими солидарными действиями влиять на политику государства;
- 4) могут осознанно действовать в своих коллективных интересах.

Если три первых условия появились при развитии производительных сил, как бы в независимой от человека субстанции, то для последнего, а именно осознанного действия необходимо было создать коллективный субъект, исполняющий функцию разума. Здесь возникли проблемы.

Организации образовывались естественным путем. В исторической ретроспективе можно назвать кооперативы, профсоюзы, международные союзы рабочих, социал-демократические партии, интернационалы, компартии, партийно-государственный аппарат СССР и других социалистических стран, Китайскую компартию. Но их организованность и состав еще не гарантировали какого-то особого прорыва в общем росте рационализации населения. Возникновение культа личности в СССР и террор 1937–1938 гг., Китайская культурная революция, распад СССР и европейской системы социализма в начале 1990-х годов — яркие тому примеры. Можно констатировать, что история в очередной раз доказала существующий разрыв между человеческим бытием и сознанием.

Ирония истории заключалась в том, что идеология, провозглашающая себя материалистической и сугубо естественнонаучной, была вынуждена постоянно обращаться к сознательности масс и конструировать искусственный социальный аппарат, олицетворяющий общемировой разум. Но это не согласуется с идеей гарантированного дохода. Никакой разум не способен гарантировать доход всем живущим на Земле, а гарантирование дохода отдельным группам приводит к тому, что его львиная доля присваивается в виде услуг людьми из социального аппарата, обслуживающими функционирование общемирового разума.

Советская философия второй половины XX в. прямо называла развитие науки и техники непосредственными производительными силами общества и считала, что будущая роботизация сделает неизбежной победу социализма в мировом масштабе. Капитализму приписывалось сдерживание научно-технического прогресса ради получения максимальной прибыли за счет эксплуатации рабочего класса. Собственно, с количественным ростом этого самого класса, усилением его эксплуатации в капиталистических странах и опережающим повышением производительности труда в социалистических странах связывались все прогнозы неизбежного возникновения нового общественного строя. Как видно сейчас, этим прогнозам не суждено было сбыться. Однако, несмотря на поражение реального социализма, идея справедливых социальных отношений никуда не делась. И обе тенденции (роботизации производства и гарантированного дохода) могут рассматриваться современными сторонниками социализма как предвестники изменения социальных отношений. Но возможен и другой взгляд.

Взгляд либерала. Исходной данностью философской концепции либерализма является наличие индивида. Об остальном можно спорить. Этот индивид может быть разумным или не очень, может быть тесно связан с социумом или не связан, может обладать высокими моральными качествами или не очень высокими; главное — любое из этих качеств принадлежит индивиду, который дан каждому человеку непосредственно в виде собственного я, все остальное может рассматриваться как изменяемые свойства этого индивида. Отсюда следует различие в аргументации: там, где условный социалист выбирает экономическую статистику и историю, условный либерал сошлется на психологию.

Как обосновывается концепция гарантированного минимального дохода? Чаще всего упоминаются (наряду с чисто экономическими соображениями вроде упрощения систем налогового контроля и социального обеспечения) обстоятельства, обозначаемые с применением психологической терминологии: увеличение уверенности, снижение напряженности и т. п. Уже только поэтому невозможно разъяснить данный вопрос через противопоставление идеологических схем.

В целом эта идея антилиберальная. Вместо конкуренции, когда все люди, готовые выполнить некую работу, вправе претендовать на одну и ту же долю благ, этой работой порождаемых, или на ее денежный эквивалент, при таком подходе множество соискателей делятся на «своих», которым минимум благ следует гарантировать, и «чужих», которым весь объем благ предстоит зарабатывать. Правда при этом появится стремление «чужих» стать «своими», что при наличии процедуры натурализации может превратиться в механизм конкурентного отбора наилучших кандидатов в «финны», но если не дополнить этот процесс соответствующим механизмом денатурализации для избавле-

ния от наименее желательных «своих», результатом будет неизбежная стагнация. Условные финны упомянуты здесь не случайно: прогрессивные методики школьного образования в современной Финляндии сделали профессию школьного учителя весьма престижной и высокооплачиваемой, так что желание стать учителем очевидно стимулируется. Но, получив эту профессию, надо еще и постоянно заботиться о том, чтобы удержаться на данной позиции, т. е. процесс отбора является двунаправленным и постоянным. Сходный двунаправленный процесс обнаруживается как в успешных современных корпорациях (желающих работать в компании Google избыток, о преимуществах данной работы ходят легенды, но и удержаться в этой среде непросто), так и в коррумпированных государственных структурах. О специфическом употреблении в чиновничьей среде возвратного глагола «сохраниться» писал, например, Евгений Ройзман: «...стало употребимым холопское словечко “сохраняться”. Появилось оно раньше, но сейчас распространилось и прочно вошло в чиновничий обиход. Так и говорят: хочешь сохраниться — молчи. С этими не общайся, иначе неохранишься, и т. д.» [4]. Критерии отбора при этом, конечно, различаются, но сам метод формирования и поддержания динамической целостности, напоминающей птичью стаю или косяк рыб, по сути один и тот же.

Впрочем, требование гарантированного дохода носит одновременно и антисоциалистический характер, поскольку воздаяние здесь ставится в зависимость не от трудового вклада, а от принадлежности к определенному сообществу. Причем если эта принадлежность может определяться происхождением, то аналоги такой социальной технологии будут систематически обнаруживаться в весьма архаических обществах: от исторической Спарты до системы варн в Индии.

Но сами проекты и эксперименты по установлению гарантированного дохода симптоматичны. Современный рынок, а в первую очередь его наиболее богатый сектор — финансовый рынок, демонстрирует зависимость от факторов, которые аналитики вынуждены описывать психологическими терминами: ожидание, апатия, паника. Не перемещения людских масс, а перемещения массивов информации, причем не только численных данных биржевой аналитики, но и экстренных выпусков новостей публичных СМИ, стимулируют приливы и отливы рынка. А значит и в области социальных технологий приобретают особое значение те, которые способны оказывать прогнозируемое устойчивое воздействие на психологические состояния множества людей. И если краткое точечное воздействие обеспечивают уже технологии массового информирования (резкое заявление политического лидера может обрушить биржевые котировки в целой отрасли), то долгосрочного действия демпфирующих механизмов, возможно, не хватает. Когда-то эту роль играли религиозные системы,

стимулирующие доверие к единоверцу или ослабляющие этические затруднения в отношении неверных. Позже, с ослаблением не только декларативной, но и фактической (т. е. переживаемой) религиозности, такими системами пролонгированного действия могли считаться идеологические построения. Если верно, что эпоха идеологий завершается (идеологические пристрастия сегодня скорее декларируются, чем переживаются), то построение новых механизмов для воздействия на социально-психологическую подсистему общества становится исторической необходимостью.

Связана ли идея введения гарантированного дохода с успехами роботизации? Отчасти связана. Преодоление последствий технологической безработицы заявляется в качестве одной из целей подобных проектов. Массовое вытеснение людей из неинтеллектуальных (а значит алгоритмизируемых) профессий представляется весьма вероятным. Например, на звонок в банк отвечает уже даже не работник из страны с более дешевой рабочей силой, а компьютерная система. Компьютерная система также проводит первичную оценку при запросе кредита. Перечень профессий, в которых «скрипач не нужен», будет шириться, и вопрос психологического состояния вытесняемых людей станет очень важным. Когда-то при переходе от паровозной тяги к тепловозам задача трудоустройства множества более ненужных специалистов была решена. Сработали социальные технологии планирования и обучения, но понадобилась и финансовая поддержка переобучаемых. Предстоящие процессы, вызванные роботизацией, обещают быть и более масштабными, и более стремительными. Возможно, затея с гарантированным доходом сыграет свою роль. Однако едва ли одной этой технологии хватит, чтобы сгладить такую мощную волну. Во времена массовых армий излишкам населения находилось применение, о котором не особенно хочется вспоминать. К счастью, сейчас миллионные толпы слабообученных людей с простым вооружением не являются главной составляющей при стратегических расчетах. Так что придется изыскать еще несколько социально-технологических решений, которые дополнят или заменят обсуждаемую концепцию гарантированного минимального дохода.

История, иронизирующая над социализмом, проявляет не меньшую ироничность по отношению к либерализму как идеологии. Атомистическая модель совокупности индивидов как самостоятельных акторов входит в противоречие с необходимостью прогнозировать и регулировать социальное действие. Регламенты и законы, медицинские предписания и учебные программы не могут ориентироваться на единичные нередуцируемые сущности. А значит место уникальных индивидуальностей занимают детерминированные представители страт и продукты образовательных технологий. Новейшие продуктивные технологии (и в первую очередь те, что связаны с возможностями

компьютеров) хоть и расширяют спектр возможных действий, на деле служат деиндивидуализации, замещая уникальность набором готовых моделей. К тому же чрезмерная эффективность индивидуальных действий, осуществляемых с опорой на компьютерные технологии, вынуждает надевать на «невидимую руку рынка» очевидные путы. Так, запрет на использование в торговле биржевых роботов является попыткой установить для биржи архаические правила.

Сценарии будущего. В истории нет предопределенности. Будущее открыто, и невозможно утверждать, что один общественный строй будет когда-то окончательно заменен другим. Однако следует исходить из того, что у современного общественного строя есть определенные признаки капитализма.

Во-первых, по определению, капитал — это деньги, которые сами себя производят. Капитализм формирует рынок, который подчиняется только законам расширенного самовоспроизводства. Фраза «рынок встал» означает не отсутствие на рынке продаж, а несоответствие получаемой прибыли норме, на которую рассчитывает продавец.

Во-вторых, капитализм может существовать, только если он расширяется. «В капитализме... то, что имеется, вообще может сохраняться, лишь расширяясь и распространяясь» [5, с. 86].

В больших исторических периодах всегда можно обозначить некоторые стадии роста, некоторые границы внутри такого периода. Различают ранний, развитой феодализм и абсолютизм. Тот же метод применим к капитализму.

Ранний капитализм хорошо проанализировал Маркс. Это капитализм в рамках локального рынка. Классическое определение капитализма как строя, основанного на частной собственности на средства производства, целиком его задает. В техническом плане это капитализм фабрики; даже при выходе за рамки предприятия его значение остается локальным, подчиня рыночным отношениям местные производства и формируя из людей пролетариат. Вместе с пролетариатом создается и техника, с которой эти пролетарии работают. Данная техника является естественным продолжением, усиливающим природу индивида.

Национальный капитализм имели в виду Р. Люксембург и В.И. Ленин, когда писали об империализме. Постепенно складывается единый рынок внутри государств. У этого капитализма есть национальные особенности при наличии всех рыночных институтов, таких как биржа, банки, развитое хозяйственное право. Этот капитализм позволяет создать технические средства, недоступные для раннего капитализма. Например, инфраструктуры авиационной промышленности или единую систему нефтепроводов США. Нельзя сказать, что обслуживающие данные системы работники являются пролетариатом, скорее их можно отнести к инженерам и техникам. Одним из первых

проявлений такого капитализма были национальные железные дороги.

Современный капитализм создается в настоящее время. Авторы настоящей статьи считают, что его появление связано с возникновением на Западе так называемого массового общества потребления. Тем самым возможности рынка доходят до индивидов. Современный индивид располагает техническими и финансовыми средствами, недоступными людям других эпох. Если вслед за Броделем [6, с. 650–652] разделить современную экономику на монопольную (собственно капитализм), конкурентную (мелкие и средние предприятия) и домашнюю (в том числе и теневую), то обнаружится, что современный капитализм впервые предоставляет услуги международной экономики домохозяйствам и получает выгоду от обслуживания финансовых потоков, перекладывая риски банкротства мелких собственников на государство.

Если при раннем капитализме богатство приносила эксплуатация природных ресурсов (полезные ископаемые, плодородные земли, географическое положение), при национальном — особенности рынка (созданная промышленная, образовательная или военная инфраструктура), то при современном — объемы генерации денежных потоков (в том числе и в сфере культуры).

Новые технологии привели к созданию глобальных технических систем. В отличие от раннего капитализма, где техника была продолжением индивида, теперь индивид пользуется техническими возможностями, которые может создать только человечество в целом. Так, если франкфуртцы говорили, что капитализм дошел до культуры, сейчас можно сказать, что капитализм дошел до индивида.

Современный «капитализм “окопался” в имеющихся у него заповедных зонах: крупной спекуляции (биржевой и недвижимости), крупных банках, крупном промышленном производстве (которому его вес и его организация оставляют немалую свободу в установлении цен), международной торговле» [6, с. 643]. При этом более ранние стадии не исчезают, но как бы вымываются с рынка капиталов. Основные деньги зарабатываются не на добыче нефти и золота, а на финансовых рынках по продаже нефти и золота. И если в классической политэкономии считалось, что рынок устанавливает равновесие между обмениваемыми товарами посредством денег, то теперь самодвижение массы денег формирует кризисы в производственной сфере, а рынок приобретает неравновесную форму рынка продавца и рынка покупателя. (Таким образом, от рынка сделок с положительной суммой, характерной для раннего и национального капитализма, современный мир переходит к рынку сделок с нулевой суммой.) Но, так как любая из форм капитализма существует лишь при расширении, возникают противоречия различных форм капитализма. Например, противоречия на рынке труда. С одной стороны, государству может не хватать де-

нег для того, чтобы нанять хороших IT-специалистов, с другой — основным инвестором современности становятся снова государства или центральные банки. Это относится и к политике финансового долга в развитых странах Запада. Возникают жесткие требования бюджетной дисциплины и борьбы с коррупцией, однако все понимают, что основным финансовым механизмом работы рынка при современном капитализме являются государственная эмиссия и управляемая инфляция. И поэтому столь важными оказываются место и роль того или иного чиновника в механизме управления этими процессами. Управлять движением рынка в России можно через договоренности между небольшим числом олигархов и государственных служащих.

Революции, меняющие общественный строй, происходят не тогда, когда появляется угнетенный слой, способный объединиться. Для смены строя нужно не только разрушать, но и сохранять «свободу на базовом уровне, независимую культуру, рыночную экономику без фальсификаций плюс немного братства... широкая структурная реформа, всегда трудная, травмирующая, нуждалась бы в изобилии и даже в сверхизобилии» [6, с. 649]. Капитализм должен изжить себя, а это возможно только тогда, когда капиталистические отношения доходят до своего предела, когда возникает новый слой «бедных капиталистов». Становится все больше людей, владеющих знаниями о том, как работает экономика, и понимающих, что работа той экономики, в которой они живут, происходит исключительно в интересах монополий, и поэтому считающих, что правила игры нужно менять. Класс этот может возникнуть только на стадии развитого капитализма, когда возможность быть капиталистами будет у всех и эти все столкнутся с необходимостью в случае игры с нулевыми суммами проигрывать капиталу.

Заключение. В начале статьи было отмечено, что роботизация и гарантированный социальный доход — два независимых процесса. Настало время объяснить, почему авторы настоящей статьи так думают. Начнем с идеи гарантированного социального дохода, возникшей в передовых западных странах. Доход — категория экономическая, и обоснование идеи гарантированного дохода нужно искать не в морали или идеологии, а в экономике. Здесь поможет нобелевская лекция одного из основателей теории общего экономического равновесия Кеннета Дж. Эрроу. Перечисляя допущения, при которых его теория работает, он отмечает, что «функция спроса индивидуумов непрерывна. Трудности возникают в связи с тем, что доход индивидуумов тоже зависит от цен, и если цены тех товаров, которыми индивид располагает в начале процесса, падают до нуля, его доход тоже падает до нуля. Когда некоторые цены и доход равны нулю, спрос на ставшие теперь свободными товары может, тем не менее, изменяться скачками, нарушающими непрерывность. Предположим, что в начале процесса

индивидуум располагает только одним товаром, скажем трудом. До тех пор пока цена на этот товар положительна, он может сохранять часть запаса для собственного пользования, но в любом случае он не может использовать его в большем объеме, чем его первоначальный запас. Но когда цена на этот товар упала до нуля, он может предъявить свой спрос на этот же объем труда другим лицам и в любом количестве, которое сочтет нужным» [7, с. 74]. Труд человека всегда должен быть оценен положительно другими участниками экономических отношений. Человек, труд которого не включен в процесс обмена, как бы не существует. Общество считает его нахлебником и лентяем. В свою очередь потребности этих людей, не привязанные к стоимости труда, могут изменяться скачкообразно, нарушая общее экономическое равновесие, что наблюдается в качестве девиантного поведения современных люмпенов.

Идея гарантированного дохода в условиях современного демократического государства может иметь различные идеологические обоснования: от социалистического (создание средств, при которых люди, оказавшиеся в сложных жизненных условиях современной безработицы, остаются ответственными членами общества, а не деклассируются) до либерального (первый шаг по отказу государства от слишком дорогостоящей социальной системы обеспечения граждан данного государства). Перекладывание социальной защиты в виде ежегодного гарантированного дохода на самих граждан позволит современному государству существенно сэкономить.

Роботизация производства, безусловно, меняет структуру производительных сил. Но подобно тому, как не стоит ожидать, что роботизация создаст всеобщее изобилие, полагавшееся необходимой предпосылкой коммунизма, не следует опасаться и того, что роботы приведут к окончательному решению рабочего вопроса, к радости капитанов промышленности. Заменяя работника невысокой квалификации, современная техника ставит ее владельца в зависимость от высококвалифицированных специалистов, без которых даже ее эксплуатация, не говоря уже о совершенствовании, невозможны. Соответственно, возрастают и риски от злонамеренных действий профессионалов. Словом, ни «рая рабочих», ни «рая капиталистов» не предвидится. Скорее всего изменится структура наемного труда, что, впрочем, является рутинным явлением, сопровождающим все технологические изменения. Переход рабочих в передовых западных странах из сферы производительного труда в сектор производства услуг уже происходит. Здесь также возможно несколько следствий.

Во-первых, сфера производства услуг существенно отличается от сферы производства технически сложных продуктов. Производя продукт, рабочий одновременно изучает те области знания природных объектов, которые входят в состав данного продукта, т. е. он обучается

как своему ремеслу, так и устройству природных объектов. Собственно ремесло и заключалось часто в действии в соответствии с законами природы. Производя услугу, работник становится заложником отношений к нему покупателя данной услуги. Он обслуживает покупателя и целиком зависит от него. Следовательно, его развитие заключается в искусстве угождать, в производстве информационных сигналов, в имитации деятельности, а не в деятельности, развивающей его самого в соответствии с законами природы. Хотя отдельные отрасли в сфере услуг роботизируются, сам смысл услуги заключается в человеческом участии. Когда человек идет к врачу, он надеется на его отношение к себе не как к стандартному организму, а как к личности с уникальной историей болезни. Те же требования хотелось бы применить к учителю, дизайнеру, даже к продавцу. Расширение сферы услуг за счет производственной сферы влияет на состав и качество производительной силы общества. Производство становится более примитивным, и вслед за этим более примитивными становятся работники, участвующие и в процессе производства продуктов и в процессе производства услуг.

Во-вторых, в соответствии с проведенным анализом, основным контрагентом капиталиста в настоящее время становится не рабочий, живущий прежде всего на зарплату, а владелец мелкой частной собственности, получающий ежегодный доход в силу участия в сложной кооперации по производству современных товаров и услуг. Чтобы угнаться за возросшими требованиями по стандартизации комплектующих, такой мелкий буржуа вынужден внедрять робототехнику и информационные системы ее обслуживания. Все это стоит немало денежных средств, которые можно под залог контрактов получить у крупных банков, но все финансовые и технологические риски в случае форс-мажоров несет именно владелец этой мелкой частной собственности. Если такой доход будет гарантироваться государством, он попадет в зависимость от бюрократического аппарата любого государства, если банком — то в зависимость от крупного финансового капитала. Как при позднем феодализме в условиях абсолютизма происходило «повторное закабаление» мелких частных крестьянских хозяйств, так в условиях современного капитализма происходит «повторное закредитование» среднего класса.

В-третьих, возможно, упомянутые сценарии развития социальных систем, вроде повторного закабаления, представляют собой не исторические случайности, а системное свойство самой формационной изменчивости. Переломные эпохи, обнаруживающие себя взрывным распространением новых социальных технологий в стремлении согласовать их с продуктивными технологиями, постепенного прораставшими в предшествующий период социальной архаики, приводят не к сбалансированности социально-производственной сферы с дополнительными социальными подсистемами вроде власти или культуры, а к новой форме дисбаланса, который затем устраняется за счет

нарастающей архаизации вырвавшейся вперед подсистемы. Так, черты, присущие рабовладельческой организации социума, нарастают ближе к финалу феодальной эпохи (достаточно вспомнить историю развития крепостного права на Руси). Таким образом, наблюдаемое сегодня стремление властной подсистемы архаизировать социум следует рассматривать не как досадную попытку замедлить исторический процесс, обусловленную индивидуальными или групповыми предрассудками, но как важный симптом завершения очередной фазы формационного процесса. А следовательно, и как симптом приближения очередной переломной эпохи, выводящей на сцену не просто новые, но чрезмерно новые социальные технологии, которым предстоит воплотиться и рутинизироваться не в очередном цикле, а через цикл, после того как обнаружится их несвоевременность и в очередной раз будут предприняты попытки вернуться к традициям и «добрым старым временам». Настоящий золотой век капиталистического способа производства наступил ведь лишь после полосы социалистических революций, претендовавших на то, чтобы покончить с капитализмом, а на деле обеспечивших капитализму полноту и завершенность. История предпочитает шить тамбурным швом — он прочнее.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Хардт М., Негри А. *Империя*. Москва, Праксис, 2004, 440 с.
- [2] Пикетти Т. *Капитал в XXI веке*. Москва, Ад Маргинем Пресс, 2015, 592 с.
- [3] Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения. В 50 т. Т. 4*. Москва, Государственное издательство политической литературы, 1955, 615 с.
- [4] Ройзман Е. *Отрицательная селекция наших чиновников*. URL: <http://newsland.com/user/roizman/content/otritsatelnaia-seleksiia-nashikh-chinovnikov/1526397> (дата обращения 18.09.2018).
- [5] Адорно Т.В. *Введение в социологию*. Москва, Праксис, 2010, 384 с.
- [6] Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. В 3 т. Т. 3. Время мира*. Москва, Прогресс, 1992, 679 с.
- [7] Эрроу К.Дж. Общее экономическое равновесие: цель исследования, методология анализа, коллективный выбор. В кн.: *Политикам об экономике. Лекции нобелевских лауреатов по экономике*. Москва, Современная экономика и право, 2005, с. 51–80.

Статья поступила в редакцию 13.11.2018

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Блюхер Ф.Н., Гурко С.Л. Когда и почему закончится капитализм? *Гуманитарный вестник*, 2018, вып. 11. <http://dx.doi.org/10.18698/10.18698/2306-8477-2018-11-572>

Блюхер Федор Николаевич — канд. филос. наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН. e-mail: oblucher@gmail.com

Гурко Сергей Львович — научный сотрудник Института философии РАН. e-mail: sgourko@gmail.com

When and why will capitalism end?

© F.N. Blyukher, S.L. Gurko

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119842, Russia

Joint consideration of genetically unrelated but simultaneous processes of robotization and implementation of guaranteed income principle makes it possible to see the symptoms of upcoming formational transition. We investigated social phenomena both in socialist and liberal interpretations. The analysis of capitalism essential features leads us to the hypothesis of stadial character of capitalism development, which is associated with the capital concentration and thanks to it with the development of new society life areas. Implicit archaization of social relations represented as natural element of historical dynamics appears to be the external manifestation of this process.

Keywords: *guaranteed income, robotization, capitalism crisis, archaization*

REFERENCES

- [1] Hardt M., Negri A. *Empire*. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts London, England, 2000, 496 p. [In Russ.: Hardt M., Negri A. *Imperia*. Moscow, Praksis Publ., 2004, 440 p.].
- [2] Piketti T. *Le Capital au XXI-e siècle*. Éditions du Seuil Publ., Paris, France, 2013, 941 p. [In Russ.: Piketti T. *Kapital v XXI veke*. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2015, 592 p.].
- [3] Marks K., Engels F. *Collected Works*. Vol. 4. In collab.: International Publishers Publ., New York, 1924, Progress Publ., Moscow, 1931, Lawrence and Wishart Publ., London, 1936 [In Russ.: Marks K., Engels F. *Sochineniya*. Gos. Izd. Polit. Lit. Publ., 1955, 615 p.].
- [4] Roizman E. *Otritsatel'naya selektsiya nashikh chinovnikov — Negative selection of our officials*. Available at: <http://newsland.com/user/roizman/content/otrissatelnaiia-selektsiia-nashikh-chinovnikov/1526397> (accessed September 18, 2018).
- [5] Adorno T.V. *Einleitung in die Soziologie*. Frankfurt am Main, Suhrkamp Publ., 1993 [In Russ.: Adorno T.V. *Vvedenie v sotsiologiyu*, Moscow, Praksis Publ., 2010, 384 p.].
- [6] Brodel F. *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XV-e — XVIII-e siècles. Le Temps du Monde*, vol. 3. Paris, Armand Colin Publ., 1979 [In Russ.: Brodel F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm XV — XVIII vv. Vremya mira*. Vol. 3. Moscow, Progress Publ., 1992, 679 p.].
- [7] Arrow K.J. General Economic Equilibrium: Purpose, Analytic Techniques, Collective Choice. *The American Economic Review*, 1974, vol. 64, no. 3, pp. 253–272. [In Russ.: Arrow K.J. *Obschchee ekonomicheskoe ravnovesie: tsel issledovaniya, metodologiya analiza, kollektivny vybor*. Moscow, Sovremennaya Ekonomika i Pravo Publ., 2005, pp. 51–80].

Blyukher F.N., Cand. Sc. (Philos.), Leading Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. e-mail: obluher@gmail.com

Gurko S.L., Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. e-mail: sgourko@gmail.com